

ПРОГОЛЪ.

Иллюстр. Изданіе
А. Ф. Маркса.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

Повѣсть.

Съ 14 рисунками И. Храброва и виньетк
Р. Штейна.

Цѣна 15 коп.

Заколдованное мѣсто //Издание А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, 1895
FB2: "a53 ", 132332242515020000, version 1
UUID: {01C537F9-7AD8-4849-8A5F-8F503708BA82}
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Васильевич Гоголь

Заколдованное место

Николай Васильевич Гоголь ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО

*Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27
января 1895 года.*

Н. ГОГОЛЬ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 14 рисунками И. ХРАБРОВА и виньеткою Р. ШТЕЙНА.

(Собственн. А. Ф. МАРКСА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

**БЫЛЬ,
рассказанная дьячком ***ской церк-
ви**

И Богу, уже надоело рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, в послед-

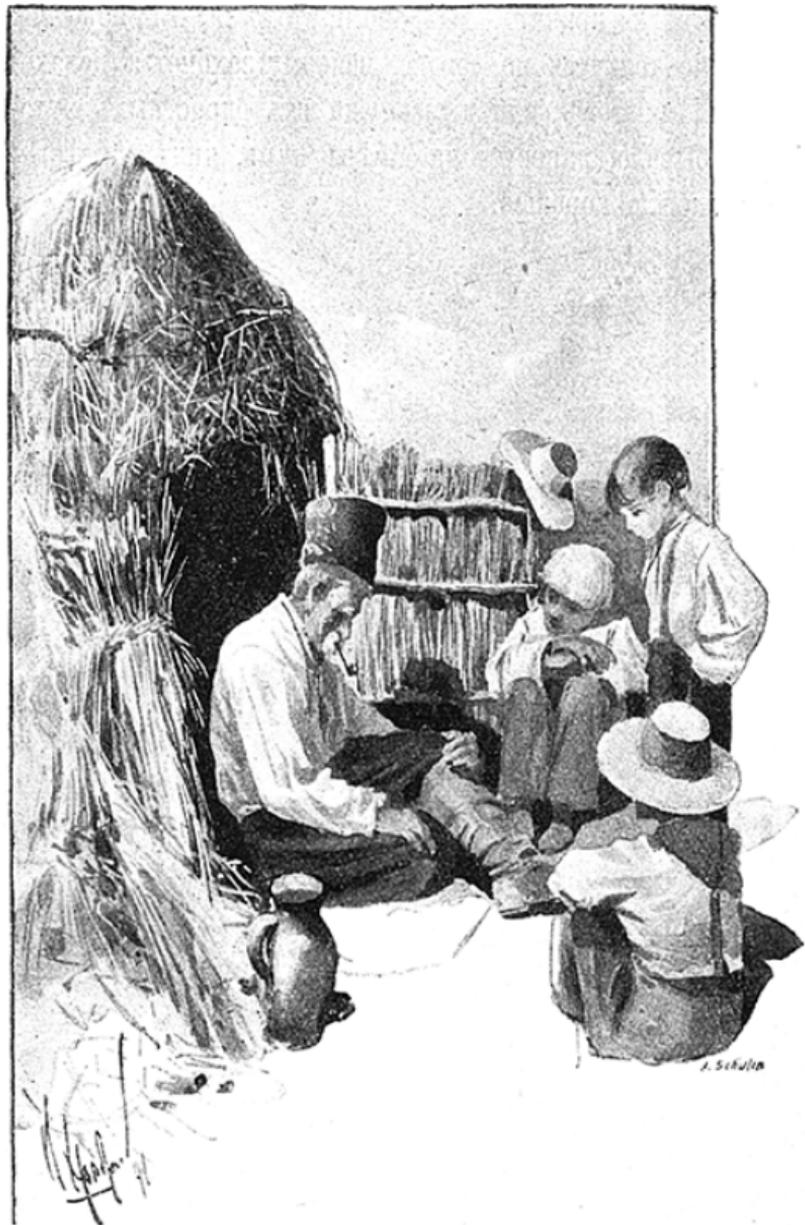
ний раз. Да, вот вы говорили насчет того, что человек может совладать, как говорят, с нечистым духом. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бывают на свете всякие случаи... Однако ж, не говорите этого: захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей Богу, обморочит!.. Вот извольте видеть: нас всех у отца было четверо; я тогда был еще дурень, всего мне было лет одиннадцать... так нет же, не одиннадцать: я помню как теперь, когда раз побежал было на четвереньках и стал лаять по-собачьи, батяко закричал на меня, покачав головою: «Эй, Фома, Фома! тебя женить пора, а ты дуреешь, как молодой лошак!»

Дед, мать, я, да брат, да еще брат.

Дед был еще тогда жив и на ноги, — пусть ему легко икнется на том свете, — довольно крепок. Бывало, вздумает... Да что ж этак рассказывать? Один выгребает из печки целый час уголь для своей трубки, другой зачем-то побежал за комору. Что, в самом деле!.. Добро бы поневоле, а то ведь сами же напросились... Слушать, так слушать!

Батька еще в начале весны повез в Крым на продажу табак; не помню только, два или три воза снарядил он; табак был тогда в цене. С собою взял он трехгодового брата — причать заранее чумаковать; нас осталось: дед, мать, я, да брат, да еще брат. Дед засеял баштан на самой дороге и перешел жить в курень; взял и нас с собою гонять воробьев и сорок с баштану.

Дед засеял багтан на самой дороге и перешел жить в курень; взял и нас с собою го-

Нам это было, нельзя сказать, чтобы худо: бывало, наешься в день столько огурцов, дынь, репы, цыбули, гороху, что в животе, ей Богу, как-будто петухи кричат. Ну, оно при том же и прибыльно: проезжие толкнутся по дороге, всякому захочется полакомиться арбузом или дынею, да из окрестных хуторов, бывало, нанесут на обмен кур, яиц, индеек. Жизнь было хорошее.

Но деду более всего любо было то, что чумаков каждый день возов пятьдесят проедет. Народ, знаете, бывалый: пойдет рассказывать — только уши развешивай! А деду это все равно, что голодному галушки. Иной раз, бывало, случится встреча с старыми знакомыми, — деда всякий уже знал, — можете посудить сами, что бывает, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомнят, Бог знает, когдашнее.

Раз, — ну, вот, право, как будто теперь случилось, — солнце стало уже садиться, дед ходил по баштану а снимал с кавунов листья,

которыми прикрывал их днем, чтобы не попеклись на солнце.

«Смотри, Остап», — говорю я брату, — «вон чумаки едут!»

«Где чумаки?» — сказал дед, положивши значок на большой дыне, чтобы на случай не сели хлопцы.

По дороге тянулось, точно, возов шесть. Впереди шел чумакак уже с сизыми усами.

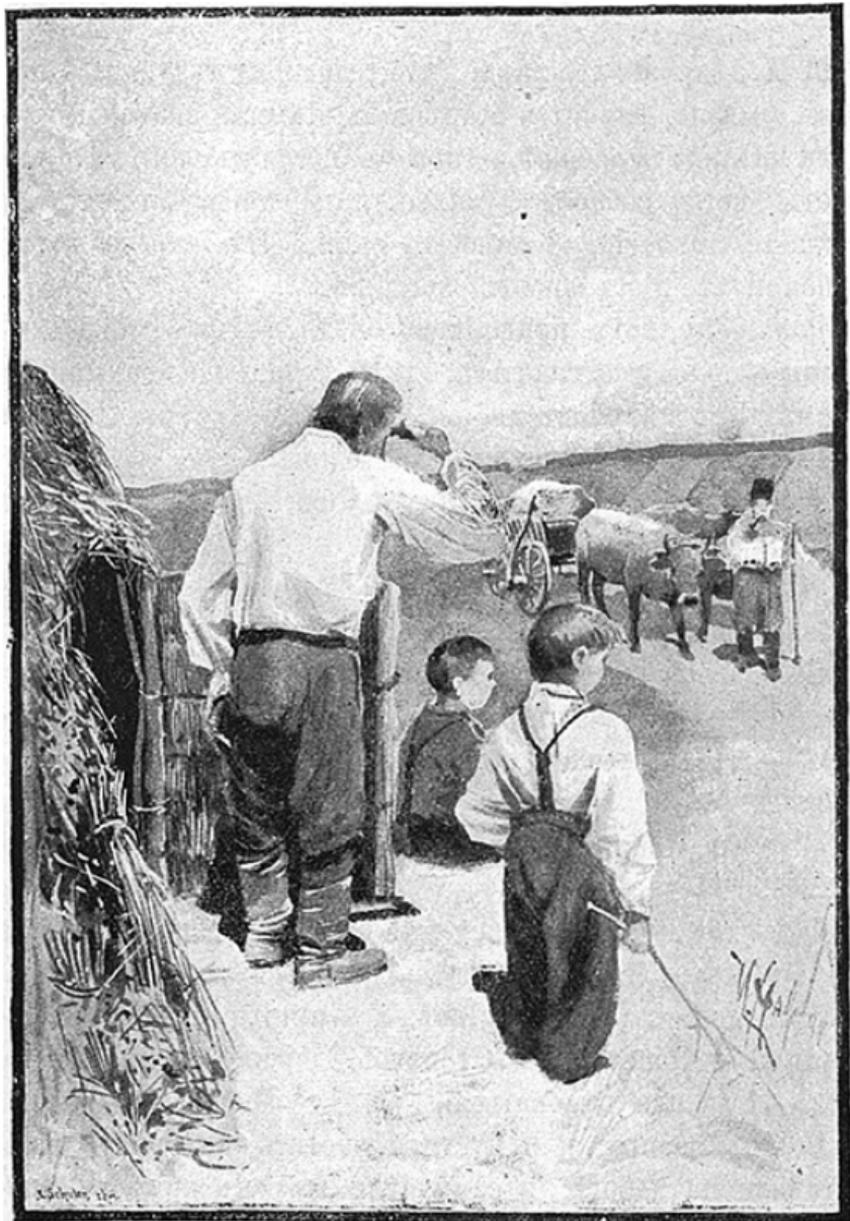
По дороге тянулось, точно, возов шесть. Впереди шел чумакак уже с сизыми усами.

Не дошедши шагов — как бы вам сказать? — на десять, он остановился.

«Здорово, Максим! Вот привел Бог где увидеться!»

Дед прищурил глаза: «А! здорово, здорово! Откуда Бог несет? И Болячка здесь? Здорово, здорово, брат! Что за дьявол! да тут все: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелек! и Стецько! Здорово! А, га, га! Го, го!..» И пошли целоваться.

Волов распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дороге; а сами сели все в кружок впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тут до люлек? За рассказами, да

за раздобарами вряд ли и по одной досталось.

После полдника стал дед потчевать гостей дынями. Вот каждый, взявши по дыне, обчистил ее чистенько ножиком (калачи все были тертые, мыкали не мало, знали уже, как едят в свете, — пожалуй и за панский стол, хоть сейчас, готовы сесть); обчистивши хорошенько, проткнул каждый пальцем дырочку, выпил из нее кисель, стал резать по кусочкам и класть в рот.

«Что ж вы, хлопцы», — сказал дед, — «рты свои разинули? Танцуйте, собачьи дети! Где, Остап, твоя сопилка? А ну-ка козачка! Фома, берись в боки! Ну! Вот так! Гей, гоп!»

Я был тогда малый подвижной. Старость проклятая! Теперь уже не пойду так; вместо всех выкрутасов, ноги только спотыкаются. Долго глядел дед на нас, сидя с чумаками. Я замечаю, что у него ноги не постоят на месте: так, как будто их что-нибудь дергает.

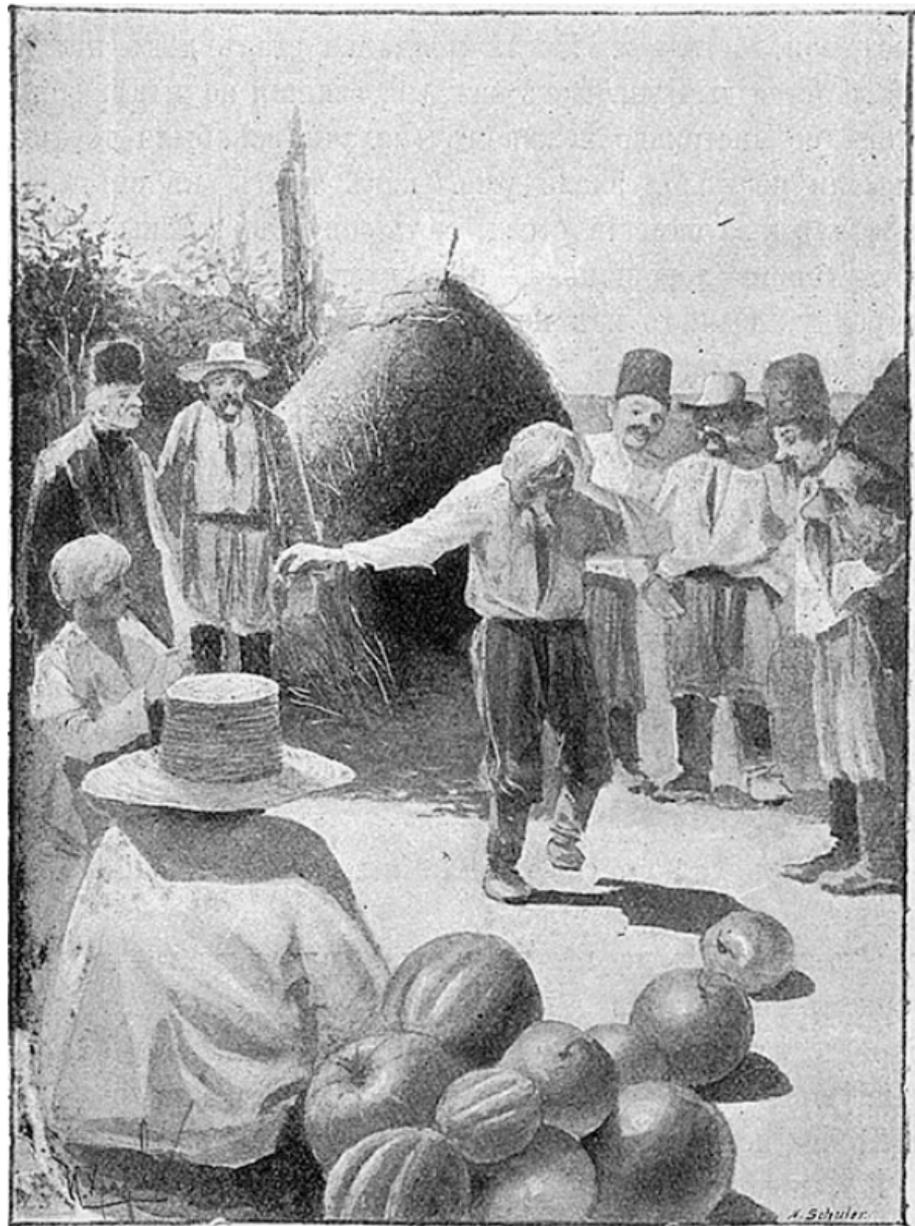
«Смотри, Фома», — сказал Остап, — «если старый хрен не пойдет танцевать!»

Что ж вы думаете? Не успел он сказать — не вытерпел старичина! Захотелось, знаете, прихвастнуть перед чумаками. «Вишь, чертovy дети! разве так танцуют? Вот как танцу-

ют!» — сказал он, поднявшись на ноги, протянув руки и ударив каблуками.

«Вот как танцуют!» — сказал дед, поднявшись на ноги, протянув руки и ударив каблуками.

Ну, нечего сказать, танцевать-то он танцевал так, что хоть бы и с гетьманшею. Мы посторонились, и пошел хрен вывертывать ногами по всему гладкому месту, которое было возле грядки с огурцами. Только-что дошел однако ж до половины и хотел разгуляться; и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошел до середины — не берет! Что хошь делай — не берет, да и не берет! Ноги, как деревянные, стали. «Вишь дьявольское место! Вишь сатанинское наваждение! Впутается же Ирод, враг рода человеческого!» Ну, как наделать сраму перед чумаками? Пустился снова и начал чесать дробно, мелко, любо глядеть; до середины — нет! не вытанцывается, да и полно! «А, шельмовский сатана! Чтоб ты подавился гнилою дынею! Чтоб еще маленьким вздохнул, собачий сын! Вот на старость наделал

стыда какого!..» И в самом деле сзади кто-то

засмеялся.

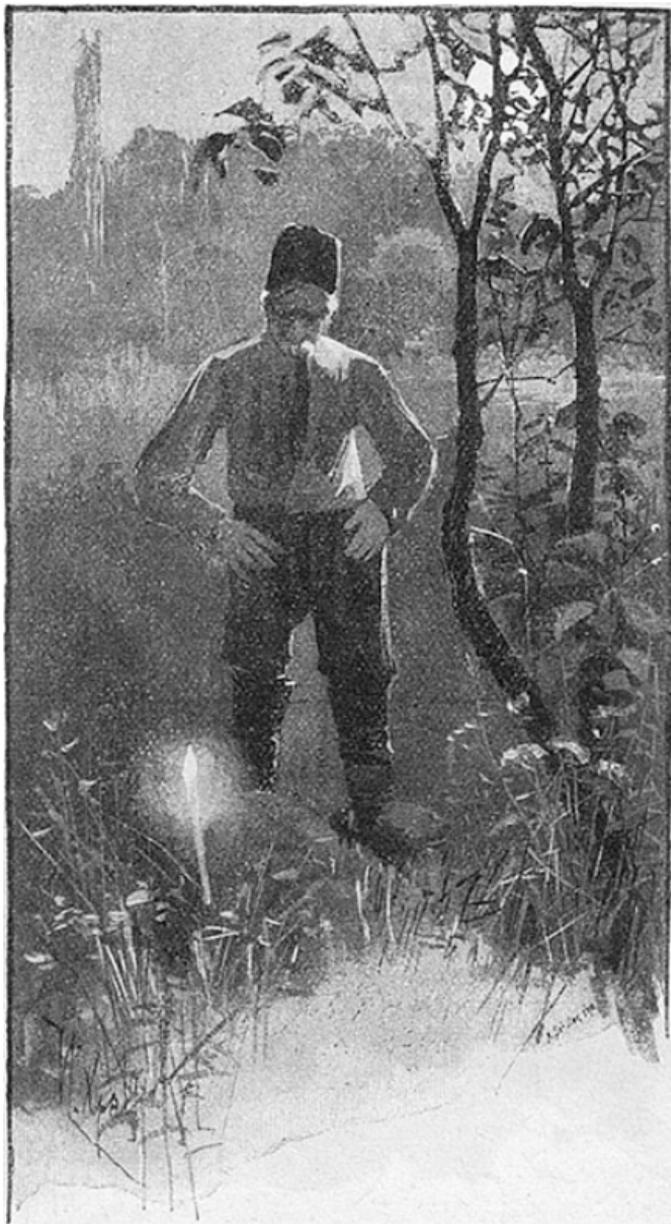
Оглянулся: ни баштану, ни чумаков, ничего; назади, впереди, по сторонам — гладкое поле. «Э! Ссс... вот тебе на!» Начал прищуривать глаза — место, кажись, не совсем знакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь-далеко в небе.

Место, кажись, не совсем знакомое: сбоку лес, из-за леса торчал какой-то шест и виделся прочь-далеко в небе.

Что за пропасть? Да это голубятня, что у попа в огороде! С другой стороны тоже что-то сереет; взгляделся: гумно волостного писаря. Вот куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругом, наткнулся он на дорожку. Месяца не было: белое пятно мелькало вместо него сквозь тучу. «Быть завтра большому ветру!» — подумал дед. Глядь — в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка.

Глядь — в стороне от дорожки на могилке вспыхнула свечка.

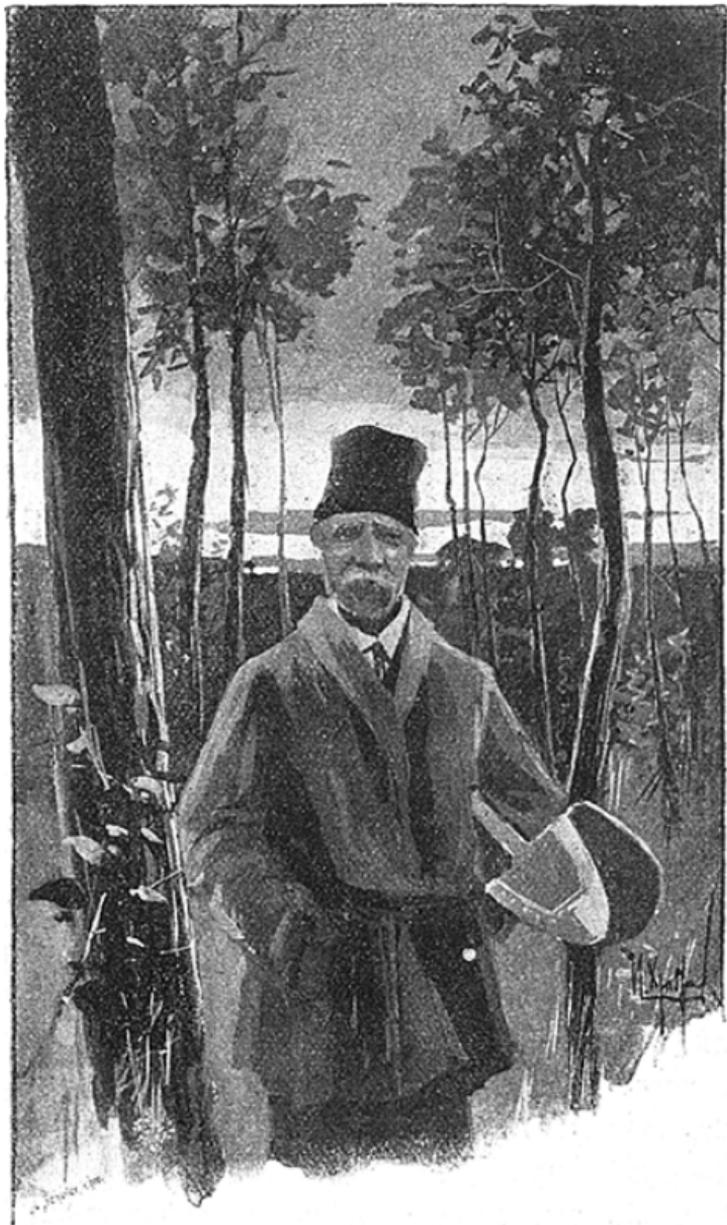
«Вишь!» Стал дед, и руками подперся в боки, и глядит: свечка потухла; вдали и немного подалее загорелась другая. «Клад!», — закричал дед: «я ставлю, Бог знает что, если не клад!» И уже поплевал было в руки, чтобы копать, да спохватился, что нет при нем ни заступа, ни лопаты. «Эх, жаль! Ну, — кто знает? — может-быть, стоит только поднять дерн, а он тут и лежит, голубчик! Нечего делать, назначить, по крайней мере, место, чтобы не позабыть после!»

Вот перетянувши сломленную, видно, вихрем, порядочную ветку дерева, навалил он ее на ту могилку, где горела свечка, и пошел по дорожке.

Вот перетянувши сломленную, видно, вихрем, порядочную ветку дерева, навалил он ее на ту могилку, где горела свечка.

И пошел по дорожке. Молодой дубовый лес стал редеть.

Молодой дубовый лес стал редеть; мелькнул плетень. «Ну, так! Не говорил ли я», — подумал дед, — «что это попова левада? Вот и плетень его! Теперь и версты нет до баштана».

Поздненько, однако ж, пришел он домой, и галушек не захотел есть. Разбудивши брата Остапа, спросил только, давно ли уехали чумаки, и завернулся в тулуп. И когда тот начал было спрашивать: «А куда тебя, дед, черти дели сегодня?» — «Не спрашивай», — сказал он, завертываясь еще крепче, — «не спрашивай, Остап: не то — поседеешь!» И захрапел так, что воробьи, которые забрались было на баштан, поподымались с перепугу на воздух. Но где уж там ему спалось? Нечего сказать, хитрая была bestия, — дай Боже ему царствие небесное! — умел отделаться всегда. Иной раз такую запоет песню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться в поле, дед надел свитку, подпоясался, взял под мышку заступ и лопату, надел на голову шапку, выпил кухоль сыровцу, утер губы полою, и пошел прямо к попову огороду.

Вот минул и плетень, и низенький дубовый лес. Промеж деревьев вьется дорожка и выходит в поле; кажись, та самая. Вышел и на поле — место точь-в-точь вчерашнее: вон и голубятня торчит; но гумна не видно. «Нет, это не то место. То, стало-быть, подалее; нужно, видно, поворотить к гумну!» Поворотил назад, стал идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нет! Опять поворотил поближе к голубятне — гумно спряталось. В поле, как нарочно, стал накрапывать дождик. Побежал снова к гумну — голубятня пропала; к голубятне — гумно пропало.

«А чтоб ты, проклятый сатана, не дождал детей своих видеть!» А дождь пустился как из ведра.

Вот, скинувши новые сапоги и обвернувши в хустку, чтобы не покоробились от дождя, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец.

Скинувши новые сапоги и обвернувши в хустку, задал он такого бегуна, как будто панский иноходец.

Влез в курень, промокши насквозь, накрылся тулупом и принялся ворчать что-то

сквозь зубы и приголубливать черта такими словами, каких я еще от роду не слыхивал. Признаюсь, я бы, верно, покраснел, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дед ходит по баштану, как ни в чем не бывало, и прикрывает лопухом арбузы. За обедом опять старичина разговорился, стал пугать меньшого брата, что он обменяет его на кур вместо

арбуза; а, пообедавши, сделал сам из дерева пищик и начал на нем играть; и дал нам забавляться дыню, свернувшуюся в три погибели, словно змею, которую называл он турецкою. Теперь таких дынь я нигде и не видел: правда, семена ему что-то издалека достались.

Вечеру, уже повечерявши, дед пошел с заступом прокопать новую грядку для поздних тыкв. Стал проходить мимо того заколдованного места, не вытерпел, чтобы не проворчать сквозь зубы: «проклятое место!» вошел на середину, где не вытанцовалось позавчера, и ударил в сердцах заступом. Глядь — вокруг него опять то же самое поле: с одной стороны торчит голубятня, а с другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять с собою заступ. Вон и дорожка! Вон и могилка стоит! Вон и ветка навалена! Вон-вон горит и свечка! Как бы только не ошибиться!»

Потихоньку побежал он, поднявши заступ вверх, как будто бы хотел им попотчевать кабана, затесавшегося на баштан, и остановился перед могилкою. Свечка погасла; на могиле лежал камень, заросший травой. «Этот ка-

мень нужно поднять!» — подумал дед, и начал обкапывать его со всех сторон. Велик проклятый камень! Вот, однако ж, упершись крепко ногами в землю, пихнул он его с могилы.

Упершись крепко ногами в землю, пихнул он камень с могилы.

«Гу!» — пошло по долине. «Туда тебе и дорога! теперь живее пойдет дело».

Тут дед остановился, достал рожок, насыпал на кулак табаку, и готовился было поднести к носу, как вдруг над головою его «чихи!» — чихнуло что-то так, что покачнулись деревья и деду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы в сторону, когда хочешь чихнуть!» — проговорил дед, протирая глаза. Осмотрелся — никого нет. «Нет, не любит, видно, черт табаку!» — продолжал он, кладя рожок в пазуху и принимаясь за заступ. «Дурень же он, а такого табаку ни деду, ни отцу его не доводилось нюхать!» Стал копать — земля мягкая, заступ так и уходит.

Стал копать — земля мягкая, заступ так и уходит.

Вот что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидел он котел.

«А, голубчик, вот где ты!» — вскрикнул дед, подсовывая под него заступ.

«А, голубчик, вот где ты!» — запищал птичий нос, клюнувши котел.

Посторонился дед и выпустил заступ.

«А, голубчик, вот где ты!» — заблеяла баранья голова с верхушки дерева.

«А, голубчик, вот где ты!» — заревел медведь, высунувши из-за дерева свое рыло.

«А, голубчик, вот где ты!» — заревел медведь, высунувши из-за дерева свое рыло.

Дрожь проняла деда.

«Да тут страшно слово сказать!» — проворчал он про себя.

«Тут страшно слово сказать!» — пискнул птичий нос.

«Страшно слово сказать!» — заблеяла баранья голова.

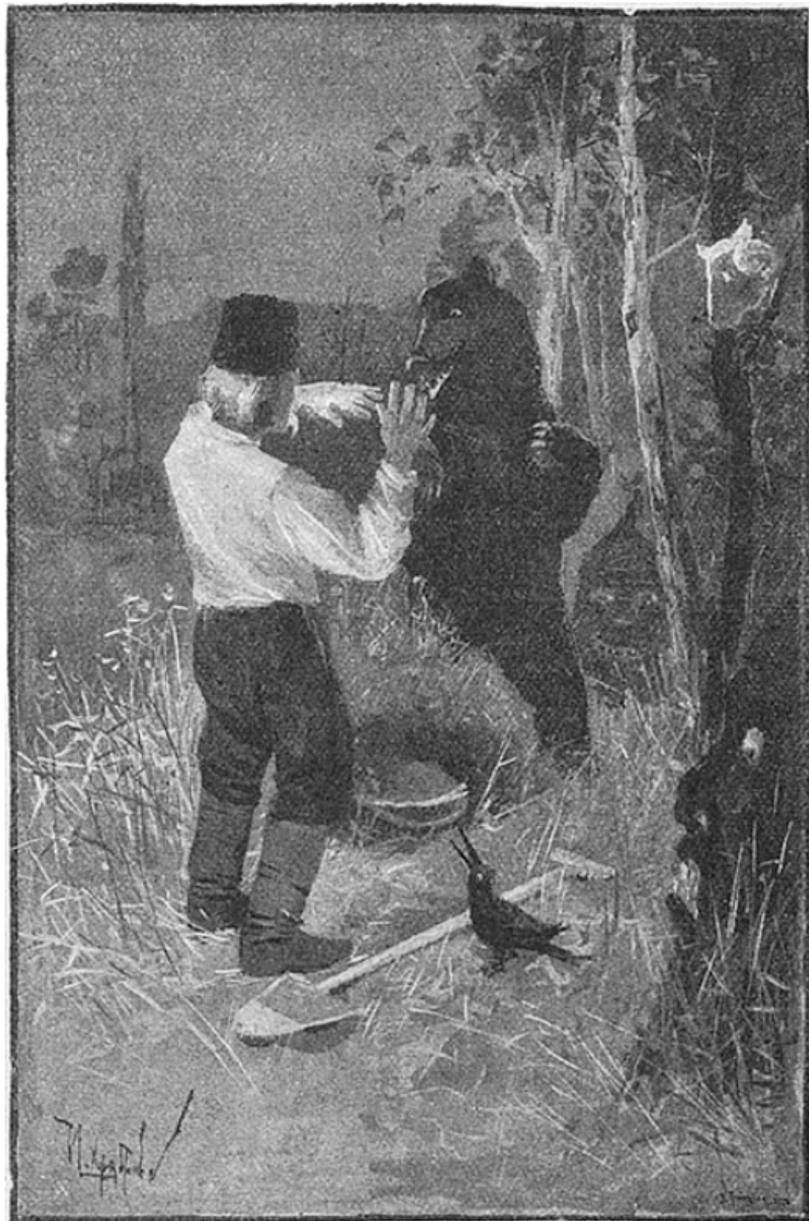
«Слово сказать!» — ревнул медведь.

«Гм...» — сказал дед, и сам перепугался.

«Гм!» — пропищал нос.

«Гм!» — проблеял баран.

«Гум!» заревел медведь.

Со страхом оборотился дед: Боже ты мой,

какая ночь! Ни звезд, ни месяца; вокруг провалы; под ногами круча без дна; над головою свесилась гора, и вот-вот, кажись, так и хочет оборваться на него! И чудится деду, что из-за нее мигает какая-то харя: У! У! Нос — как мех в кузнице; ноздри — хоть по ведру воды влей в каждую! губы, ей Богу, как две колоды! Красные очи выкатились наверх, и еще и язык высунула, и дразнит! «Черт с тобою!» — сказал дед, бросив котел. «На тебе и клад твой! Экая мерзостная рожа!» И уже ударился было бежать, да огляделся и стал, увидевши, что все было по-прежнему. «Это только пугает нечистая сила!»

Принялся снова за котел — нет, тяжел! Что делать? Тут же не оставить! Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками: «Ну, разом, разом! Еще, еще!» — и вытащил. «Ух! — теперь понюхать табаку!»

Достал рожок. Прежде, однако ж, чем стал насыпать, осмотрелся хорошенько, нет ли кого. Кажись, что нет; но вот чудится ему, что пень дерева пыхтит и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, нос поморщился, и вот, так и собира-

ется чихнуть. «Нет, не понюхаю табак!» — подумал дед, спрятавши рожок — «опять заплюет сатана очи!» Схватил скорее котел и давай бежать, сколько доставало духу; только слышит, что сзади что-то так и чешет прутьями по ногам... «Ай! ай! ай!» — покрикивал только дед, ударив во всю мочь; и как добежал до попова огорода, тогда только перевел немного дух.

«Куда это зашел дед?» — думали мы, дожидаясь часа три. Уже с хутора давно пришла мать и принесла горшок горячих галушек. Нет, да и нет деда! Стали опять вечерять сами. После вечери вымыла мать горшок и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокруг все были гряды; как видит, идет прямо к ней навстречу кухва. На небе было таки темненько. Верно, кто-нибудь из хлопцев, шая, спрятался сзади и подталкивает ее. «Вот кстати, сюда вылить помои!» — сказала и вылила горячие помои.

«Ай!» — закричало басом. Глядь — дед. Ну, кто его знает! Ей Богу, думали, что бочка лезет! Признаюсь, хоть оно и грешно немного, а, право, смешно показалось, когда седая голова

деда вся была окунута в помои и обвешана корками от арбузов и дынь.

Седая голова деда вся была окунута в помои и обвешана корками от арбузов и дынь.

«Вишь, чертова баба!» — сказал дед, обтирая голову полою — «как опарила! Как будто свинью перед Рождеством! Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес!» — сказал дед и открыл котел.

Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько: а?

Золото? Вот то-то, что не золото: сор, дрязг... стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после того вымыл.

И с той поры заклял дед и нас верить когда-либо порту. «И не думайте!» — говорил он часто нам — «все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!» И, бывало, чуть только услышит старик, что в ином месте не спокойно: «А, ну-те, ребята, давайте крестить!» — закричит к нам — «так его! Так его! Хорошенько!» — и начнет класть кресты. А то проклятое место, где не вытанцовывалось, загородил плетнем, велел кидать все, что ни есть непотребного, весь бурьян и сор, который выгробал из баштана.

Так вот как морочит нечистая сила человека! Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние козаки. Земля славная, и урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют, как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз — не арбуз, тыква — не тыква, огурец — не огурец... Черт знает, что такое!

Въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗД
СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ.

1.	Коляска. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	15	коп.
2.	Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. <i>Пов.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	20	>
3.	Вій. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	25	>
*4.	Майская ночь или утопленница. <i>Пов.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	20	>
*5.	Сорочинская ярмарка. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u> .	20	>
6.	Носѣ. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	15	>
7.	Страшная месть. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u> . .	25	>
8.	Пропавшая грамота. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u> .	15	>
*9.	Ночь предъ Рождествомъ. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	30	>
10.	Ревизоръ. <i>Комедія.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	40	>
*11.	Шинель. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	25	>
12.	Заколдованное мѣсто. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u> .	15	>
13.	Женитьба (совершенно невѣроятное собы-
тіе). <i>Комедія.</i> <u>Въ переплетѣ</u>	25	>
*14.	Тарасъ Бульба. <i>Повѣсть.</i> <u>Въ переплетѣ</u> . . .	30	>
15.	Старосвѣтскіе помѣщики. <i>Пов.</i> <u>Въ переплетѣ</u> .	25	>

* Допущены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для городскихъ училищъ и сельскихъ школъ.

Выписывающіе всѣ вышеозначенныя книжки разомъ, непосредственно изъ конторы изданій А. Ф. Маркса, въ СПБ., Малая Морская, № 22. ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЬ.